

ХІХ СЪЕЗД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ СССР

23—27 октября 1990 года

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Москва
ПРОФИЗДАТ — 1991

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(24 октября 1990 года, вечернее)

Комментарий

М.С.Горбачёв в своих выступлениях на XXVII съезде КПСС 25 февраля 1986 г., XVIII съезде ПрофСоюзов СССР 25 февраля 1987 г., IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г., XXVIII съезде КПСС 2 июля 1990 г., XIX съезде ПрофСоюзов СССР 24 октября 1990 г. заявил об уголовных преступлениях, о проблемах общества, экономики, которые можно решить только при участии ПрофСоюзов, которые обязаны осуществлять Общественный контроль!

Для выявления причин проблем общества, методов решения проблем, понимания смысла речи М.С.Горбачёва требуется прочитать Гражданский Кодекс РСФСР, Уголовный Кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР.

В 1955 г. Михаил Сергеевич Горбачёв с отличием окончил юридический факультет МГУ, по распределению направлен в прокуратуру Ставропольского края.

К работе в прокуратуре Ставропольского края приступил с 5 августа 1955 г.

В группах [VK](#), [OK](#) размещены Видео с названиями:

Обязанности ПрофСоюзов. М.С.Горбачёв 1986.02.25 - [VK](#), [OK](#)

Архитектура городов и сёл. Сохранение здоровья. Непрерывное образование.

М.С.Горбачёв 1986.02.25 - [VK](#), [OK](#)

Самоуправление народа. М.С.Горбачёв 1986.02.25 - [VK](#), [OK](#)

Воины- пограничники. М.С.Горбачёв 1986.02.25 - [VK](#), [OK](#)

Обществоведы- Мошенники. Выводы из речи М.С.Горбачёв 1986.02.25 - [VK](#), [OK](#)

Материалы Собрания участников ПрофСоюзов 20 мая 2018 г. опубликованы:

vk.com/club166958709

«Труд» является органом всех профсоюзов СССР, а потом этот вопрос обсудить (есть разные мнения) и уже принять окончательное решение.

Карнаух Н. Н. Спасибо. Товарищи, нам осталось работать очень мало времени. Как поступим? Пусть выскажутся два человека и закончим. Первый микрофон, пожалуйста.

Кочевин В. К. — председатель профкома ПО «Центральный телеграф», Москва.

Я предлагаю Президиуму, чтобы нас не вводили в такое неуравновешенное состояние, которое предшествовало нынешнему заседанию (я имею в виду то, что было перед перерывом). Все-таки, когда выносятся наши регламентирующие, основные документы, надо, чтобы они просматривались опытными юристами. И нам предлагались бы альтернативные варианты с точки зрения принятия решений. Я после перерыва отойти не могу, в такую ситуацию нас загнала Редакционная комиссия, которая не советовалась с юристами. А нам предстоит принимать основополагающие документы по вновь образуемому профцентру. Обращаю на это внимание.

И, Михаил Сергеевич, действительно, я сзади сижу, я не успеваю подбежать сюда, чтобы вас услышать, выступите, пожалуйста, мы связисты — просим. (Аплодисменты.)

Карнаух Н. Н. Михаил Сергеевич просит слова. (Аплодисменты.)

Горбачев М. С. Мы с вниманием относимся ко всему, что происходит в эти дни на съезде профсоюзов страны, ибо трудно назвать организацию, стоящую ближе к трудящимся, чем профсоюзы. Ибо съезд проходит на таком отрезке развития страны, когда мы подошли к этапу глубоких перемен во всех сферах ее жизни и очень важно, какую информацию донесет съезд о процессах, происходящих в стране, какую позицию он займет по самым главным вопросам, волнующим наше общество, советских людей. Это важно и с точки зрения того, что будет завтра, послезавтра, в ближайшие месяцы, и с точки зрения того, куда же ведет та дорога, по которой мы идем. Ведь, несмотря на давление, на остроту проблем, которые все сейчас испытываем, нельзя забывать, нельзя терять из виду цели и ориентиры. Иначе можно уйти совсем в другом направлении.

К вашему съезду, я могу сказать об этом однозначно, у нас самое уважительное отношение. Мы заинтересованы в успешной его работе, а плодотворными его результаты могут быть при двух условиях. Если съезд подтвердит необходимость дальнейших преобразований в интересах людей, облагораживания всей нашей жизни. Если он закрепит то позитивное, что уже дала перестройка, и предложит меры по избавлению от того, что всех нас беспокоит.

Первое, что я хотел бы подтвердить: мы заинтересованы в сильных, я не боюсь употребить это слово, независимых профсоюзах; ведь вряд ли можно быть сильными, если твердо не стоять на самостоятельных позициях, на собственных ногах. В профсоюзах, которые действовали бы конструктивно и ответственно.

Меня спрашивали о впечатлении от двух дней работы съезда. Мне кажется, несмотря на остроту выступлений с этой трибуны, от микрофонов, главный смысл их в том, что люди обеспокоены ситуацией, думают о судьбах своей страны. И это самое главное. Я приветствую серьезность, взвешенность суждений. Воспринимаю требовательную постановку вопросов, которая идет от делегатов. Это первое.

И второе: мне задавался вопрос (в определенной части я отдал его Николаю Ивановичу, поскольку ему встречаться с вами, а там есть конкретика, на которую надо дать ответ). Этот вопрос и устно здесь прозвучал, — как я себе представляю роль профсоюзов? Не мыслю

успеха нашего дела, решения стоящих перед нами задач без активной роли профсоюзов. Помните, я еще на прошлом съезде говорил, что лично мне импонируют не те профсоюзы, которые танцуют польку-бабочку вокруг хозяйственных руководителей, а те, которые конструктивно работают и занимают твердую позицию, основанную на интересах трудящихся, на ответственности за судьбу страны и жизнь народа. Я думаю, это сегодня уже присутствует, и я приветствую именно такую роль профсоюзов. Она не разрушительна, а созидательна, и об этом надо всем помнить.

У нас сейчас много специалистов завоевывать авторитет, иногда просто дешевый, броской фразой, острой критикой начальства. Такая традиция издавна была в России, а сейчас, в эпоху гласности, открытости, свободы, все, что накопилось, тут же надо выложить и пока еще не выложили, хотя сказано уже много.

Кто-то даже заметил, что если не критикуешь начальство, так никто и слушать тебя не будет. Но, думаю, дело не в начальстве. А в анализе политики, в анализе решений.

Мы конечно же воспринимаем острые, критические замечания. Но при одном условии: надо помнить, где мы оказались в результате перестройки и перехода от одних форм жизни — экономической, социальной, политической в нашем многонациональном государстве — к новым формам. Мы прошли за эти годы, может быть, то, что отдельные народы проходят иногда за столетия. Мы стали совершенно другими, и ничто уже не вернет людей назад. И, я думаю, не надо бояться того, что многое нас сегодня не устраивает.

Да, наряду с позитивом произошло и много негативного. Но, я считаю, если бы мы не допустили (и это самое тяжелое) осложнений на потребительском рынке, ухудшений жизненных условий в связи с разрегулированностью на рынке, то все остальное можно понять, товарищи. Главное, что под напором множества проблем, которые надо было решать, откликнувшись на реальные нужды и трудности, мы открыли возможность для перекоса в развитии экономики и вообще всей социально-экономической ситуации. И вот разрегулированность, ажиотаж, дефициты, коррумпированные спекулятивные элементы пришли в движение и резко обострили социально-экономическую ситуацию в обществе. Это, пожалуй, самый большой просчет руководства страны. Вынужденный просчет: хотелось скорее преодолеть нужду, а нужду мы видели. Ведь были пенсии по 30—40 рублей, даже по 28 рублей. Решили повысить в самом начале пятилетки. А помните, как было с врачами, с учителями? Нашли возможность изыскать в одном случае 3,5 миллиарда, в другом — около 5 или 6 миллиардов рублей. Студентам, помните, повысили стипендию и так далее. А культура, в каком она была состоянии? Туда добавили, на жилье. Но большая часть этих средств вышла на рынок.

Дали свободу предприятиям, и эта свобода, не уравновешенная определенными механизмами, обернулась тем, что прибыль пошла в основном не на развитие производства, его структурную перестройку, его модернизацию, а на рост оплаты труда. Следовательно, тоже на рынок. Товароборот рос раньше на 10—12 миллиардов рублей в год, и все же удавалось держать так или иначе рынок. В 1989 году — на 25,5 миллиарда, в прошлом — на 38 миллиардов, а в этом году за девять месяцев он, наверное, составит 42—43 миллиарда рублей. Это в 4 раза больше, чем росло до сих пор. А в каком состоянии рынок? Вот, я считаю, в чем самый большой просчет, который допустило руководство страны, — оно не комплексно решало этот вопрос.

Но каяться — это каяться, а надо извлекать уроки. Мы сейчас выходим на новые формы экономической жизни, связанные с движением

к рыночным отношениям. Это — логическое развитие экономики на том пути, на который мы встали, — на пути демократизации, децентрализации, передачи прав и хозяйственной инициативы самим первичным коллективам. Не получится хозяйственной инициативы, не задействуем интерес, не реформируем собственность, если будет тотальное господство государственной собственности, при котором трудящийся человек отодвинут от средств производства, не чувствует себя собственником, хозяином на предприятии, не управляет делом и не получает возможности распоряжаться конечным результатом.

Только собственник может по-хозяйски вести дело. Значит, нужно реформировать отношения собственности, и мы пойдем этим путем. Это значит — будет государственная собственность и будут акционерные, кооперативные, арендные предприятия трудящихся, колхозные агрофирмы и так далее, вплоть до мелкой частной собственности там, где она нужна, где государственный сектор, крупные предприятия не решают задачи.

А раз так, раз в экономическое пространство войдут все эти собственники, нужен рынок. До сих пор все распределяли государство, правительство — от гвоздя до ракеты. Встав на путь, ведущий к тому, чтобы задействовать материальный интерес человека, через реформирование собственности, мы должны были прийти к рынку.

Трудно нам это дается? Трудно. Это вообще для нашего общества самое большое испытание, но мы должны его выдержать, иначе будем тратить и тратить ресурсы.

На единицу национального дохода у нас тратилось энергии, металла, цемента и т. д. в полтора-два, даже в три раза больше, чем в развитых странах. Мы купались в этих ресурсах, у нас прирастала рабочая сила, на этом и двигалось государство. Высокие цены на нефть на мировом рынке в прошлом покрывали всю нашу бесхозяйственность, пренебрежение к технологии.

Я вспоминаю, лет 18 назад, когда я был еще секретарем Ставропольского крайкома партии, членом ЦК, Брежневым было объявлено, что мы должны провести пленум по научно-техническому прогрессу. Объявили, готовили его почти год и все отложили. И это происходило тогда, когда во всем мире шла структурная перестройка. Мы тогда говорили, вот он, капитализм, смотрите, 30 миллионов выбросил безработных в одной Европе. Вспомните сражения шахтеров, металлургов в ФРГ, Англии, других странах — а это осуществлялась структурная политика. Страны эти вступали в новую технологическую эпоху:

Мы с вами говорили: вот мы какие, все у нас хорошо. А было плохо, и так продолжалось до последнего времени. И теперь еще инерция эта нас душит. Я вот в беседе как-то с товарищами говорил, что, когда еду куда-нибудь, мне дают статистические данные, сопоставления. Смотрю, ресурсы на душу населения в СССР, ресурсы на душу населения, например, в Финляндии или, скажем, в Соединенных Штатах Америки. И вижу, что в большинстве случаев у нас ресурсов на душу населения больше. Но когда смотрю такие показатели, как национальный доход или валовой национальный продукт, то это в 2,5—3 раза меньше. Так все и происходит: ресурсов у нас или столько или больше, но они у нас загнаны, в отходы идет металл, известно, какая глубина переработки нефти, потому что у нас нересурсосберегающие технологии.

Если бы так дальше продолжалось, мы оказались бы в тупике. Значит, надо менять все. Задействовать человеческий фактор через новое положение человека как собственника, как настоящего хозяина от начала процесса до реализации продукции и выхода на рынок. И тогда человек начнет думать: чтобы было больше, чтобы цена вот так скла-

дывалась, иначе говоря, чтобы я выиграл, мне нужно свои затраты сократить. А чтобы сократить, надо думать, как усовершенствовать технологию. Сейчас же у нас система, которая работала все эти десятилетия и которая до сих пор еще работает; она не усовершенствуется, отторгает. Ее всю надо перестраивать.

Бесхозяйственность пытались компенсировать и водкой — сто миллиардов добавили за счет наращивания производства алкоголя. Вот за счет чего входили. Так разве это нормально, разве это рынок?

Во всем мире идет колоссальное наращивание услуг. Сейчас в большинстве стран в материальном производстве людей работает меньше, чем в сфере услуг. А у нас все перевернуто.

К этому надо добавить, что у нас была одна из самых милитаризованных экономик в мире. Мы соревновались с США, чья экономика превосходит нашу в два с половиной раза; кстати, сама Америка не выдерживает уже гонку вооружений. Значительная часть науки, 75 процентов, работала на военно-промышленный сектор, лучшие фонды были там, лучшие материалы. Все это надо развернуть по-иному. Заинтересовать человека, повернуть экономику к нему лицом разве просто. Вы хоть стреляйте меня, дорогие товарищи, распинайте как Иисуса Христа, все равно легко это не дастся, а сделать это надо. Иначе мы окажемся в историческом тупике.

Поэтому, когда я слышу, как опубликовали, например, в последнем номере «Аргументов и фактов», что Горбачев — агент империализма и ему премию дали за то, что развалил Союз, угробил партию, ликвидировал социалистическую систему и т. д., то я прощаю людям несведущим, людям, которые не могут понять, что происходит. Но когда это делается людьми, понимающими, о чем идет речь, то здесь одна цель — дискредитировать, сорвать, помешать.

Думаю, вы согласитесь со мной, что у нас самое сложное общество. Проанализируйте ситуацию в отношении к труду с позиции той же добросовестности, отношения к делу — сколько здесь отсталого и косного. А привязанность к иждивенчеству, стремление все перераспределять, а уж потом думать о производстве?! Сейчас начинаются здоровые в основе своей процессы, но нам надо понять, что по многим вопросам мы находимся у последней черты и, если мы не удержим ситуацию, не будем позитивно решать многие вопросы, начнется разлад, хаос.

Например, Союз. Было унитарное государство и накопилось много проблем, и, как только ситуация демократизировалась, все они выплеснулись. Могли мы действовать лучше? Да, могли. Но в принципе мы на правильном пути. Надо добиться, чтобы в этом сожителстве народов каждый человек, каждый народ почувствовал уверенность, что он не исчезнет и его язык не исчезнет. Ведь даже на Украине дело доходило до того, что уже под угрозой был украинский язык — великий язык великого народа. Ну, а малый народ тем более нуждается в защите. Когда я приехал в Красноярский край и увидел ситуацию, где рядом с металлургическим комбинатом в Норильске, рядом с сияющим городом, пусть даже при всех недостатках (а Норильск все же красивый город, и многое там сделано), рядом с предприятием, которое здесь же, на этой земле работает, получает прибыль 1 млрд. 71 млн., заброшены 6 тысяч местных жителей, скажите, это — нормально? Потом, когда собрались в Красноярске, один писатель, представитель северных народов, говорит мне: Михаил Сергеевич, давайте резервацию создадим, чтобы все-таки сохранить наши народы. Вот до чего доходит дело.

Так вот, и малочисленные народы, и большие нуждаются в том, чтобы все облагородить, включая и Россию. Ведь даже вокруг Москвы, где корни русской государственности, что происходит? Многие дароги

заброшены, деревни покинуты, 6 млн. гектаров земель заросло кустарником, земель прекрасных, где достаточно и влаги, и урожай можно собирать, и мясо, и молоко получать. Люди бросили здесь русскую землю и ушли в города. Это что? Это значит, всех беда задела, значит, надо Союз изменить коренным образом, чтобы хорошее самочувствие, уверенность в будущем появились у каждого народа. Какими-то подкрасками это не сделаешь, товарищи. Вот и выстроилась такая концепция: Союз суверенных государств с максимальными правами мест, чтобы был полнокровным суверенитет в смысле власти, возможности распоряжаться экономикой, ресурсами, культурой и так далее. Это все нужно.

Но вот если взглянуть дальше, то за Союзом суверенных государств уже развал. И это самая большая опасность, о которой я везде говорю открыто и прямо. Мы должны остановить, поставить на место тех, кто толкает к этому развалу. Дальше отступать нам, как говорится, некуда.

Союз суверенных государств даст возможность развернуть потенциал всех народов на основе сотрудничества. Должны быть суверенные республики и полнокровный центр. Это в интересах самих республик и всех народов. Если же пойдем дальше, тогда людей начнем делить, семьи, искать границы, а границы у нас установлены государственными актами только 30 или 40%, а все остальные решениями сельсоветов и райсоветов. И начнется дележ с кетменями, пойдем друг на друга: были красные и белые, теперь могут появиться синие и еще какие-нибудь.

Да и вообще, кто способен разделить все это? Кто нас на это толкает? Вы посмотрите, как только в Молдавии заявили в официальных документах о негативном отношении к Союзу, к его сохранению, в самой республике все пришло в движение. Вчера уже ночью я занимался этой проблемой, и сейчас там сложная ситуация, переговоры организуем с теми, другими, говорим, чтобы республика сохранилась, чтобы были найдены правильные ответы. А возьмите огромную нашу прекрасную республику — Украину. Появился лозунг самостийности, и что получилось? В Крым я приехал, а мне на третий день петицию. В Одессе разговоры о Новороссии. Если кто-то подталкивает Украину из Союза, то ведь и дальше процесс может пойти: появятся Криворожская, Донецкая республики, как когда-то. Ну разве это те процессы, которые помогут нам решить все вопросы? И разве мы их стимулировали? Да это же погубит все наше великое дело обновления страны в интересах людей и в тот момент, когда мы наконец почувствовали себя гражданами и сможем делать то, что нужно, избавившись от всякой эйфории, от пены, которая сейчас всплыла на поверхность.

Надо прямо сказать: дальше отступать нельзя. Тот, кто подозревает, что Горбачев против социализма, не прав. Я против казарменного социализма, против тоталитарного государства, которое подавляет человека. Это что — социализм? Это, товарищи, извращение социалистической идеи. Социализм — это справедливость, равенство, свобода. Это организованное общество, где есть демократические институты, механизмы, которые сохраняют и поддерживают правовой порядок. Нам до этого еще далеко. Но не надо под впечатлением бед, которые нас сопровождают, теряться, впадать в панику.

Когда я выступал с кратким заключительным словом на Пленуме Центрального Комитета партии, где обсуждали вопрос о рынке, один рабочий задает мне вопрос: вы мне скажите, с чем я поеду, поднимать людей на частную собственность? Это после всего того, о чем мы долго говорили. Я привел этот пример вот к чему. Очень общество наше нуждается в том, чтобы прежде всего произошла революция умов, и

это самая большая трудность. Ведь что сейчас нередко бывает: подзревают руководство в том, что оно оторвалось от народа, чуть ли не в предательстве, во всем, что угодно. Так нельзя. Трудно так работать, да еще на таком историческом повороте революционных, глубоких перемен, а не какого-то косметического ремонта. Нужно понимать глубину поворота, через который проходим.

Да, нам трудно. Но судьба нашего поколения состоит в том, что оно взялось за дело и работает не ради светлого будущего через десятилетия, а для того, чтобы изменить свою собственную жизнь, не говоря уже о детях и внуках. Нам надо сохранить понимание того, что мы идем правильной дорогой, что выбор наш верный. Но это не значит, что на этом надо поставить точку. Как раз здесь надо думать.

Говорят: дайте ответ, ориентир дайте. Никто не даст исчерпывающего ответа на каждый вопрос, который ставят революционные перемены. Мы привыкли жить решениями, инструкциями и циркулярами. Нельзя теперь в нашем обществе так. Теперь в обществе свобода, и ее надо использовать, мыслить, искать. Поэтому и пришли к Основным направлениям. А то требуют: распишите все в деталях, скажите, что будет, когда и как повернется.

Нет, сейчас подходы четко сформулированы, рамки и цели определены, а расписывать из Москвы, что делать на таком-то комбинате, предприятии, в регионе, республике, тем более в таком государстве, как наше, — это очередная утопия. Это значит опять замучить общество, загонять его кнутом в хорошую жизнь.

Принципы есть, их согласовали, и надо двигаться, искать с учетом экономических особенностей, исторических традиций, настроений и зрелости коллектива. Мы отказались от программы, похожей на расписание пассажирских поездов, и пришли к тому, чтобы согласовать принципы, на основе которых все должны делать. Если же каждый будет действовать на своих принципах, тогда расколемся, вернемся к феодальной раздробленности. Тогда ничего у нас не получится.

Я отвечаю на вопрос, который тут прозвучал у микрофонов. Что с нами будет? Я не знаю, что будет на 101-й день, 150-й и т. д. Да и не в этом дело. Мы рассуждаем — переходить или не переходить и как идти к рынку. А времени у нас мало. И нам надо уже идти. Нарастают деструктивные процессы, и если мы не будем двигаться решительно к рынку, то мы можем оказаться в очень тяжелом положении. Вот тогда придется отказаться от всех планов и все приостановить. Тогда и появится, мягко выражаясь, твердая власть. Поэтому, чтобы продолжать преобразования, надо действовать сейчас.

В ближайшие полгода решится главное. Самый трудный период. И содержание полутора-двух лет и Основных направлений как раз и рассчитано на этот переход к рынку. А на создание полнокровного рынка, когда мы разберемся на своих предприятиях, что-то сделаем, приспособимся, на это, товарищи, потребуется минимум 10 лет. А сейчас нужно стабилизировать рынок. Но если где-то получится так, что образуется какой-то перекосяк, а он может быть, или не удастся полностью взять ситуацию под контроль, если что-то ударит по отрасли или группе населения, придется делать маневры, для этого вырабатываем механизмы, будем советоваться, а кое-где придется идти и на чрезвычайные меры. Поэтому создаем такие институты, где были бы представлены все республики. Создаем их для того, чтобы держать связь со всеми отрядами трудящихся. И в этом смысле я подхожу к главному, с чего начал: без профсоюзов ничего не получится.

Очень важно, чтобы мы на этом этапе нашли понимание и сотрудничали. Но если будете ставить руководство страны на колени, ничего путного не выйдет. Вы должны поддержать решительные и твердые

действия властей. Они рождены не самодурством каким-то, а продиктованы реальными экономическими процессами.

Я заканчиваю свое выступление заверением, что вы можете рассчитывать, что Президент и правительство будут к вам внимательны. Мы настроены на другой тип отношений, на другую регулярность встреч, бесед и обменов по сравнению с теми, которые здесь называли неудовлетворительными. Тут товарищ высказался персонально в мой адрес, что не нашлось времени для основательных бесед с профсоюзами. Оправдываться нечего. Я принимаю этот упрек.

В этот крутой поворотный момент истории, жизни нашей страны люди, уставшие от митинговщины, от говорильни, понимают, что нужно меньше демагогии, нужно согласие, сотрудничество, твердость власти, и все, кто пытается и дальше раскачивать корабль, встречают негативную реакцию. Но я бы хотел предупредить: если кто-то думает, что вот обстановка осложняется и, может быть, дай бог, вернемся к старым временам, — этого не будет, ответов позади нет. Мы хотим сделать страну процветающей, и она будет такой, ибо наш народ располагает и большим интеллектуальным потенциалом, и ресурсами, и наукой, и культурой. И если всему этому мы придадим должную динамику, то наше государство может стать одним из процветающих. С нами на сотрудничество идут многие народы, и мы, я думаю, должны быть открыты этому.

Желаю успешной конструктивной работы съезду. Желаю, чтобы вы имели документы, которые послужили бы тому, чтобы профсоюзное движение набрало силу. Тем же, кто пытаются скомпрометировать профсоюзы, бросить на них тень, — дескать, они официальные, — скажу, я давно уже, на протяжении года — полутора лет, почувствовал, как менялись профсоюзы. И то, что происходит в профсоюзах, — это тоже в рамках наших перемен.

Конечно, не трудно искать ведьм и легко ярлык на кого-то повесить. Это мы делали все 70 лет. И ярлык у нас был один: если не моя позиция, если есть политический противник, его надо уничтожить. Теперь надо привыкать выслушивать мнения, сотрудничать со всеми в рамках Конституции и закона. Если можете вступить в коалицию — вступайте, так должно быть в нормальном обществе. А то сначала КПСС претендовала на монополию, теперь же другие силы претендуют, утверждая, что они «истинны», а КПСС, другие общественные силы, профсоюзы, они, видите ли, мало что понимают в том, что происходит. И мы видим, как недавние демократы порой становятся на наших глазах диктаторами, претендуют на монополию. (Аплодисменты.) Я за то, чтобы развивался демократический процесс и в рамках Конституции были слышны все голоса, чтобы все слышали друг друга и находили то, что в конце концов приводило бы к согласию на принципах и целях, к которым мы идем. Спасибо. (Аплодисменты.)

Карнаух Н. Н. Товарищи, я сделаю только объявление, и заканчиваем работу. Все знают, где работают секции и кто в каких секциях принимает участие? Не надо зачитывать? Спасибо. Единственная подсекция по просьбе председателей профкомов создается при Высшей школе профдвижения, Лобачевского, 90, — «Советские профсоюзы». И там же будет подсекция «Профсоюзные комитеты».

Товарищи, я от вашего имени благодарю Михаила Сергеевича Горбачева за его выступление. (Аплодисменты.) Благодарю Президиум за помощь и вас всех за терпеливость и большую, разумную работу, которую мы с вами провели. Спасибо вам. (Аплодисменты.)